

Полякова И.А. Андреас Аурифабер (1515–1559) и его «История янтаря» / Калинингр. обл. музей янтаря. Изд. 2-е, испр. и доп. Калининград, 2013. 208 с.

В последние несколько лет в российской истории науки усилилось внимание к проблемам культурных контекстов, в которых происходят становление и развитие научного знания. Два свежих примера: исследование И.И. Лисович «Скальпель разума и крылья воображения» [1] о рождении научных дискурсов в Англии раннего Нового времени и объемный труд И.С. Дмитриева [2], где одновременно с нескольких ракурсов освещается инквизиционный процесс над Галилео Галилеем в 1633 г. Книга И.А. Поляковой об Адреасе Аурифабере (1513–1559), прусском ученом, советнике прусского герцога Альбрехта, авторе трактата «История янтаря» (*Succini historia*), опередила указанные выше работы на четыре года, успев задать последователям высокую профессиональную планку. Второе, рецензируемое здесь издание книги, вышло в 2013 г. по случаю 500-летия со дня рождения Аурифабера.

Уже на первых страницах автор предупреждает, что перед нами — не биография Аурифабера, а только реконструкция его научной деятельности, в центре которой находится трактат о янтаре — минерале, представлявшем высокий интерес для немецких интеллектуалов XVI в. Такой подход объясняется тем, что до нас дошло слишком мало сведений о жизни Аурифабера, чтобы написать ее целостную картину. При этом уже во введении, на стадии раскрытия творческого замысла, читателя подводят к мысли, что главной задачей книги будет «воссоздание» образа Кёнигсберга, его биографии, где янтарь «как самый популярный предмет интереса искусства, науки и литературы, а также природный и культурный символ» (с. 11, здесь и далее в круглых скобках даются ссылки на страницы рецензируемой книги) связывает множество разных смыслов. Данный подход к теме может быть истолкован одновременно и как достоинство и как недостаток.

Отказ от составления жизнеописания помогает автору выделить многие узловые моменты в истории науки первой половины XVI в. Переплетение в одном нарративе сразу нескольких сюжетов представляет хорошую возможность разобрать научное творчество Аурифабера в широком историко-культурном контексте эпохи Возрождения на фоне деятельности таких персонажей, как Мартин Лютер, Филипп Меланхтон, Георг Иоахим Ретик, Андреас Осиандер и др.

Воплотить такой замысел было бы невозможно без периодической смены масштабов¹ повествования: от политической истории — к интел-

---

¹ Развернутый анализ этой нарративной техники представлен в книге Поля Рикёра с примерами из микроистории и практики школы «Анналов» [3, с. 293–303].

лектуальной, от общих очерков состояния немецкой научной среды — к раскрытию отдельных обстоятельств из жизни Аурифабера, будь то его стажировка в Италии 1544—1545 гг. или служба при дворе герцога Альбрехта. Эта нарративная техника открывает перед нами насыщенную панораму интеллектуальной жизни Германии первой половины XVI в. Лучше всего это видно на примере первых трех глав, где речь идет не столько о янтаре и не только о самом Аурифабере, но и, например, о реформе Виттенбергского университета, начатой Филиппом Меланхтоном, о диспутах вокруг развития астрологии, астрономии и медицины, или об открытии Кёнигсбергского университета.

В то же время эта насыщенная панорама трудно согласуется с намерением автора показать «самостоятельное бытие» города, его «живую индивидуальность», понимание которой, как следует из текста, составляет один из элементов в составлении его биографии (с. 8). Реконструкция городской среды предполагает узкий фокус исследования, дрейфующий в пределах краеведения или локальной истории, в то время как автор использует любую возможность, чтобы выбраться за пределы локальных событий, обогащая свой рассказ сюжетными отступлениями и сравнениями.

К слову, выстроенная во введении теоретическая конструкция не очень функциональна. И если написание биографии города как совокупности «культурно-исторических реалий, в которых зафиксированы проявления его жизни» (с. 9) еще может стать для исследователя навигационной картой и помочь ему хотя бы наметить сюжетную линию, то антропоморфизация города через утверждение о том, что у него есть душа и разум, составляющие его «целое» (с. 9), предполагает хотя бы перечисление некоторых технологий, при помощи которых эти душу и разум можно выявить, но об этом в книге ничего нет. Возможно, такой технологией могло бы стать превращение города с помощью нарративных средств в коллективную и абстрактную сущность — квазигероя, наделенного способностью мыслить и действовать наряду с одушевленными персонажами. Аналогичные способы репрезентации прошлого встречаем в историографии Европы и России Нового времени или в работах французских ученых по социальной истории и истории ментальностей. Выбор этого пути вряд ли принес бы нам новые сведения о «самостоятельном бытии» города и не раскрыл бы его внутреннего устройства, но, возможно, помог бы согласовать теоретическую рамку книги с ее основной частью. Поскольку данная книга заявлена в библиографическом описании как монография, то такое согласование с научной точки зрения представляется необходимым.

Мало что дает в плане методологии и утверждение о том, что Кёнигсберг — город, индивидуальность которого «признается многими, кто посетил это место» (с. 9). Индивидуальность — относительная величина, которая скорее говорит о привязанности человека к чему-то дорогому и близкому и в отсутствие наглядного сравнения с однопорядковыми величинами (допустим, другими городами) вряд ли может

быть хоть как-то верифицируема. По-видимому, упоминание об уникальности нужно автору для того, чтобы с его помощью в следующем абзаце выделить янтарь как одну из культурно-символических доминант Кёнигсберга и таким образом связать тему своей книги с названием серии, в рамках которой она вышла, — «Янтарь в биографии города». Проблема в том, что данная связь не отражена ни в названии, предлагающем, что разговор в книге будет идти об Андреасе Аурифабере и его трактате, ни в одной из глав. В итоге мы получаем прекрасное исследование об одном из немецких ученых эпохи Ренессанса, чья жизнь и творчество разобраны в широком историко-культурном контексте раннего Нового времени, а вот образ Кёнигсберга, его «целое», «самостоятельное бытие», душа и разум остаются для нас недоступными.

Точнее всего названию книги соответствует четвертая и самая длинная ее глава, представляющая собой источниковедческое исследование *Succini historia*. Здесь автор останавливается на отдельных аспектах происхождения и содержания этого трактата: анализирует круг источников, использованных Аурифабером (с. 112–120), определяет его повествовательный жанр (с. 106–110), воспроизводит структуру сочинения по главам (с. 123–140) и определяет ее научную ценность для того времени. Отдельное внимание уделяется рассуждениям Аурифабера о месторождениях янтаря, способах его добычи и лечебных свойствах.

Непременными достоинствами книги служат ее художественное оформление, а также легкий и свободный язык, не треснувший под тяжестью громоздких синтаксических конструкций и терминологических условностей, которые подчас бывает трудно понять и профессионалу и дилетанту. Благодаря этому книга легко найдет своего читателя среди краеведов и любителей истории. Впрочем, не менее интересной она покажется и российским ученым: история Германии раннего Нового времени — тема, прямо скажем, не самая разработанная в нашей «великой историографической державе» [4, с. 121], где со времен Российской империи изучение всемирной истории представлено множеством разных направлений.

Список литературы

1. Дмитриев И. С. Упрямый Галилей. М., 2015.
2. Лисович И. И. Скальпель разума и крылья воображения: Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени. М., 2015.
3. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.
4. Уваров П. Ю. Но тут все и кончилось... Россия в роли «великой историографической державы» // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши. М., 2010.

О. В. Морозов,
старший преподаватель Школы исторических наук НИУ ВШЭ